

ПАМЯТИ

въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича.

Совершилось! Съ горькимъ стономъ содрогнулась вся Русь православная. Плачь и рыданія несутся теперь по веѣмъ ея необъятнымъ предѣламъ. Праведный Господь не внялъ нашимъ горячимъ молитвамъ, *по незаконіемъ нашимъ сотворилъ сънь намъ*. Возлюбленнаго Государя нашего не стало!

Не мало было скорбей на томъ жизненномъ пути, который внялъ на долю почившаго Монарха, и подъ царственнымъ бременемъ даже Его мощныя силы надломилась тяжкимъ недугомъ. „Повинуясь волѣ Провидѣнія и закону наслѣдія государственнаго“, внялъ почившій въ Высочайшемъ манифестѣ *) по вступленіи Своемъ на императорскій престолъ, „Мы приняли бремя сіе въ страшный часъ всенародной скорби и ужаса“. То было дѣйствительно ужасный часъ, при воспоминаніи о которомъ и доселѣ леденѣтъ сердце всякаго истинно-русскаго человѣка. Каково-же было сыну вступать на родительскій престолъ при гробѣ безвинно-истерзаннаго и умерщвленнаго, горячо-любимаго отца?! Каково было новому монарху принимать на себя и держать въ рукахъ своихъ ту власть, подъ которую злоба крамольниковъ такъ непрерывно и настойчиво вела свои подкопы?! Восшествіе на престолъ при такихъ условіяхъ было новѣишѣмъ восшествіемъ на крестъ, и великую вѣру, великую силу нужно было имѣть, чтобы безтрепетно подъять на себя этотъ самоотверженный подвигъ.

„Мы приняли бремя сіе“... писалъ Государь, „предъ лицомъ Всевышняго Бога, вѣруя, что, предопредѣливъ намъ дѣло власти въ столь тяжкое и многотрудное время, Онъ не оставитъ Насъ Своею всеильною помощію“... „Посреди великой Нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промысль, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти“.

И въ страшный часъ всероссійской скорби и ужаса бодро сталъ Государь на дѣло правленія, „призывая всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ своихъ служить вѣрой и правдой... къ искорененію гнусной крамолы, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды“¹⁾. — Вотъ съ какими чувствами глубоко-вѣрующаго христіанина вступалъ Государь на оскорбленный цареубійствомъ престоль; вотъ какія благія задачи предназначивалъ Онъ своему царствованію!

И далъ Ему Господь по вѣрѣ Его и почило на дѣлахъ Его Божіе благословеніе.

„Есть въ исторіи русской эпохи боевой славы, великихъ напряженій, громкихъ дѣяній, блеска и шума въ мірѣ. Кто ихъ не знаетъ? Но есть другія лучшія эпохи, эпохи, въ которыхъ работа внутренняго роста государственнаго и народнаго происходила ровно, свободно, легко и такъ сказать весело, наполняя свѣжею кровью вещественный составъ общества, наполняя новыми силами его составъ духовный. Объ нихъ долго помнить народъ; надъ нихъ лѣтописью задумываются мужи. При нихъ благоденственно развивается внутренняя самобытная мощь страны, и славны тѣ царскія имена, съ которыми связана память этихъ великихъ эпохъ“²⁾.

Имя Императора Алексавдра III-го несомнѣнно навсегда останется въ исторіи однимъ изъ такихъ славныхъ именъ. Единодушнымъ приговоромъ не Россіи только, а всей Европы, Ему уже дано великое имя Царя-Миротворца, а подъ сѣ-

¹⁾ Слова того-же манифеста.

²⁾ Слова А. С. Хомякова.

нію твердо Имъ охраняемаго мира „благоденственно развивалась внутренняя самобытная мощь нашей страны“.

Мы не беремъ на себя смѣлость изобразить съ должною полнотою все то, надъ чѣмъ неусыпно трудился Царь-Миротворецъ, какъ много сдѣлалъ Онъ для блага своего народа, какъ высоко поставилъ Россію среди всѣхъ державъ міра; намъ хочется сдѣлать попытку указать лишь тѣ Его благія дѣянія, какія совершилъ Онъ на пользу Святой нашей Православной Русской Церкви, стяжавъ Себѣ тѣмъ право на неизмѣнную дань глубокаго и благоговѣйнаго уваженія со стороны всѣхъ ея вѣрныхъ сыновъ.

Когда ученики фарисейскіе спрашивали Господа: слѣдуетъ-ли платить подать кесарю, Онъ, указавъ имъ на динарій, — монету, которою платилась подать, говорилъ: „чій образъ сей и написаніе? И глаголаша ему: кесаревъ. Тогда глагола имъ: воздадите убо кесарева кесареви“.

(Мѡ. 22, 20—21).

Если мы всмотримся внимательно въ жизнь нашей церкви Православной за годы минувшаго царствованія, не разъ мы увидимъ въ ней ясныя слѣды благодѣтельнаго вліянія и покровительства почившаго Благочестивѣйшаго Государя. Его образъ и написаніе отпечатлѣлся здѣсь неизгладимыми чертами, побуждая всю Русь Православную платить Ему за то отъ всего сердца неизмѣнную дань признательности и благоговѣйнаго уваженія. Поистинѣ это былъ Царь-Православный. Глубоко убѣжденъ былъ Онъ, что Святая Православная вѣра есть самое драгоцѣннѣйшее сокровище русскаго народа, а потому блюсти всемѣрно это сокровище Онъ поставлялъ для Себя главною задачей Своего царственнаго подвига.

Не мало враговъ у церкви православной; но бодро стоялъ на стражѣ противъ нихъ ея Благочестивѣйшій Заступникъ. Противъ всѣхъ враждебныхъ церкви попытокъ, со стороны-ли воинствующаго балтійскаго лютеранства, или сибирскаго ламаѣства, или южно-русскаго штундизма, энергично выступало правительство на защиту церкви. Именемъ Царя оно говорило, что „Россія должна тщательно охранять неприкосновенность своихъ духовныхъ началъ, выросившихъ и укрѣпившихъ ея самобытность“, что врагамъ церкви православной она „не можетъ дозволить пропаганды

отторженія единовѣрныхъ сыновъ своихъ“... и „заявляетъ объ этомъ открыто, прямо, въ своихъ законахъ, вѣряя себя суду высшему, правящему судьбами царствъ“¹⁾.

Чій образъ сей и написаніе?

Въ древне-христіанской церкви былъ святой обычай по поводу важныхъ церковныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ какой-либо области, собираться окрестнымъ архипастырямъ на соборы для ихъ обсуждения и разрѣшенія. Прошли вѣка и, по измѣнившимся историческимъ условіямъ, обычай этотъ почти совсѣмъ вышелъ изъ употребленія. Минувшему царствованію принадлежитъ заслуга посильнаго возстановленія на Руси этого древняго святаго обычая. Православные епископы юга и востока Россіи, по призыву Своего Державнаго Покровителя, собирались въ Кіевѣ и Казани для соборнаго совѣщанія о дѣлахъ церковныхъ. Церковь Православная, радуясь благимъ плодамъ этихъ соборныхъ совѣщаній, всегда будетъ съ признательностію помнить Того, Кто положилъ имъ начало.

Чій образъ сей и написаніе?

Видя въ святой вѣрѣ Православной главнѣйшее духовное начало русской народнои жизни, Царь-Православный призналъ необходимымъ именно эту святую вѣру положить незыблемою основой народнаго образованія. Плодомъ такого убѣжденія было законоположеніе о церковно-приходскихъ школахъ. Главною задачею этихъ школъ поставлялось: „утвержденіе въ народѣ православнаго ученія вѣры и правдивности христіанской“²⁾. Эти школы должны быть „нераздѣльны съ церковію“ и, поручая руководство ими и преподаваніе въ нихъ православному духовенству, Государь писалъ: „надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ“³⁾. И сотнями народились теперь на Руси церковно-приходскія школы и повсюду трудятся въ нихъ служители церкви, утверждая въ народѣ святую Православную вѣру и христіанскую правдивность.

¹⁾ Письмо оберъ-прокурора Свят. Синода президенту швейцарскаго евангелическаго союза.

²⁾ Высочайше утвержденныя правила о церковно-приходскихъ школахъ.

³⁾ Собственноручная напись Государя на всеподлиннѣйшей запискѣ оберъ-прокурора объ этихъ правилахъ.

Чій образъ сей и написаніе?

Почтивъ служителей церкви Своимъ высокимъ довѣріемъ, Царь-Православный не оставлялъ ихъ и своими щедрыми милостями. Непрерывно слѣдовали одно за другимъ правительственныя распоряженія объ отпускѣ государственныхъ суммъ то на открытіе новыхъ епархій въ предѣлахъ Россіи, то на усиленіе средствъ далекихъ окраинъ православной церкви, то на обезпеченіе бѣднаго духовенства ежегоднымъ казеннымъ жалованьемъ, то на возвышеніе окладовъ и пенсій служащимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Сколько помощи этими и многими другими подобными мѣрами оказано церкви православной въ ея святомъ дѣлѣ! Сколько ими у ея скромныхъ дѣятелей отерто горькихъ слезъ, прибавлено силы и бодрости!

Чій образъ сей и написаніе?—Кесаревъ.

Воздадимъ-же кесарева кесареви и, памятуя все, совершенное Имъ добро, всѣ Его пеусыпныя о насъ заботы, вознесемъ за Него къ престолу Всевышняго свои пламенные молитвы.

Молимъ Тя, Милосердый Господи, да Царю-Православному, *подвизавшемуся добрымъ подвигомъ* и достойно носившему тяжелый вѣнецъ царства земнаго, *соблюдется вѣнецъ правды въ день онъ!* (2 Тим. 4, 7—8).

Печальная вѣсть о кончинѣ Благочестивѣйшаго Государи получена была въ Московской Духовной Академіи раннимъ утромъ 21-го числа Октября. Въ тотъ-же день, въ 9 часовъ утра, въ домово́й академической церкви о. ректоромъ архимандритомъ Антоніемъ съ соборомъ академическаго духовенства совершена была, въ присутствіи всѣхъ профессоровъ, служащихъ и студентовъ, зауко́йная литургія и панихида. Между служащими и поющими были учащіеся южные славяне, арабы, якуты, чуваша и абиссинцы, своєю нелицемѣрною скорбью подтверждавшіе вселенскую любовь къ усопшему. По заамво́нной молитвѣ о. ректоръ академіи произнесъ слѣдующее слово:

«Вотъ день! вотъ пришелъ, наступила напасть» (Іез. 7, 10).

Итакъ наступилъ тотъ горестный день, когда Господь опредѣлилъ отнять у насъ нашу радость, оставить насъ

сиротами. Взято нынѣ Господомъ „дыханіе жизни нашей, помазанникъ Господень... о которомъ мы говорили: подѣтънью его будемъ жить среди народовъ“ (Плач. 4, 20). Взять тотъ кого шесть лѣтъ тому назадъ чудесно возвратилъ намъ Господь изъ когтей погибели. Тогда Всевышній поднялъ надъ Русью Своею угрожающій перстъ, призывая ее къ покаянію, а нынѣ опустилъ на нее Свою карающую десницу, увидѣвъ что первая угроза недостаточно воздѣйствовала на сердца. Впрочемъ и та угроза была не первая: сколько разъ Господь спасалъ изъ рукъ злодѣевъ Государя Александра Николаевича, показывая этими устрашеніями, что Россія виновна предъ Нимъ, но до тѣхъ поръ мы не одумывались, пока Богъ не отвратилъ Свою защитительную десницу и потрясенная отчизна должна была омываться слезами покаянія искаженный ранами трупъ царя-страдальца. Однако и это временное просвѣтлѣніе умовъ, выражавшеся въ самоукореніяхъ и въ исправленіи жизни многихъ, оказалось на столько непрочнымъ, что даже и тотъ великій день, когда Господь грозилъ оставить насъ не только безъ Царя, но и безъ потомства его, это незабвенное 17-е число сего мѣсяца, не могло вразумить насъ. Пусть-же теперь русскіе люди измѣняютъ дни радости, на дни скорби, мученій совѣсти и стыда предъ Богомъ. Да, именно стыда предъ Богомъ, праведно отвергающимъ насъ. Ибо спросятъ насъ теперь многіе: гдѣ-же Святая Русь твои прославленные молитвы? гдѣ твоя вѣра? гдѣ твоя любовь къ твоему Государю? Или ты такъ оскудѣла всѣми сими дарами, или настолько прогнѣвалъ Бога народъ твой, что даже святые мужи въ тебѣ не могли умолить Его и отвратить гнѣвъ Его отъ тебя? Да поистинѣ послѣдній укоръ справедливъ. Господь показывалъ намъ дѣлами Своего Промысла то, что говорилъ въ древности народу Своему черезъ пророка: „Я готовлю вамъ зло и замышляю противъ васъ; такъ обратитесь каждый отъ злаго пути своего и исправте пути ваши и поступки ваши. Но они говорятъ: не надѣйся; мы будемъ жить по своимъ помысламъ и будемъ поступать каждый по упорству злаго своего сердца“ (Іер. 18, 11—12). „Ты не молись о народъ семъ во благо ему. Если они будутъ поститься Я не услышу вопля ихъ“ (14, 12). „Хотя бѣ предстали

предъ лице Мое Моисей и Самуилъ, душа Моя не приклонится къ народу сему (Іер. 15, 1. и Іез. 14).

Тщетны были для насъ вразумленія Божіи, хотя были они многочисленны и разнообразны, ибо въ послѣдніе годы уже не человѣческою рукою устрашалъ онъ насъ за Царя нашего и не ею спасалъ его, а Своею простертою мышцею избавлялъ насъ, пока не истощилось долготерпѣніе Его и ниспала на насъ сегодняшняя праведная кара.

Образумимся-ли мы хотя нынѣ? Возненавидимъ-ли свои отступленія отъ духа евангельскаго и духа народнаго?— Смотрите у насъ на лицахъ какъ бы вина какая, какъ бы смутное ощущеніе того, что не взялъ бы Господь отъ насъ утѣхи очей нашихъ, лучшаго украшенія нашей отчизны, еслибъ мы сами цѣнили дары Его благодатнаго о насъ промысленія.

Не случайны только паденія воли нашей возстановили противъ насъ Всевышняго, но то дерзостное поправленіе духа Христова, то полное нежеланіе созидать въ себѣ евангельскую жизнь, содержавшуюся предками нашими, та общая ложь, то блудное растлѣніе, которыя проникли отъ высшихъ круговъ общества уже и въ простой народъ. Охладили русскіе люди ко святой вѣрѣ, возлюбили иноземный обычай жизни, горделивый, сухой и холодный, и не только перестали стыдиться своего грѣховнаго ожесточенія, но начали похваляться имъ, такъ, что уже не порокъ сталъ предметомъ презрѣнія и насмѣшекъ, а цѣломудріе, набожность и смиреніе, сохранившееся у немногихъ. За это Господь и обездолилъ нашу землю, за то обрушилъ на нее сей ударъ и отнялъ тотъ залогъ нашего благополучія, предъ которымъ стали склоняться съ почтеніемъ горделивѣйшія главы иноземныхъ народовъ, прежде презиравшихъ насъ, а нынѣ видящихъ въ нашемъ Государѣ опору общаго мира и справедливости.

Неоцѣнима наша потеря, сердце наше подавляется глухою болью, мы чувствуемъ, что сами виновники нашей утраты и горько плачемъ, видя, что не могли во время возвратиться, ибо грѣхи наши стали между нами и небомъ мѣдною стѣною, объ которую, разбиваясь, возвращались въ нѣдро наше всѣ возносимыя молитвы.

Оттого и наша печаль такъ глубока, горе такъ разъ-

ѣдающе, не смотря на то, что кончина Государя христіанская, непостыдная и мирная. Училъ онъ насъ, какъ жить и служить ближнему, училъ и тому, какъ умирать. Дай Богъ всѣмъ намъ такой завидной кончины! Царямъ земнымъ многіе завидуютъ при ихъ жизни, но очень немногимъ государямъ возможно завидовать или соревновать въ смерти; во главѣ этихъ немногихъ стоитъ нашъ благодѣтельный Монархъ, спокойно смотрѣвшій въ глаза приближавшейся кончины и давно перадѣвшій объ исполненіи врачебныхъ совѣтовъ, но искавшій отрады въ бесѣдѣ съ праведными пастырями, въ совмѣстныхъ съ ними молитвахъ, а иначе въ троекратномъ приобщеніи св. тайнъ. Его рука, пораженная предсмертнымъ недугомъ, находила силу, чтобы начертывать слова сочувствія и благодарности на сыновнія заявленія подданныхъ воиновъ и родителей дѣтей, учащихся подъ Государевымъ покровительствомъ, а его сердце, ослабѣвшее уже для правильной поддержки тѣлесной жизни, продолжало согрѣвать ласкою окружающихъ, побуждая присутствующее сей тяжкой болѣзни мрачное настроеніе. Сія блаженная кончина была въѣдомъ праведнаго царствованія въ теченіи почти четырнадцати лѣтъ. Это *царское правленіе* было поистинѣ *царскимъ служеніемъ*, этотъ вѣнецъ—крестнымъ бременемъ. Ибо едвали многихъ монарховъ знаетъ исторія, которые были бы столь чужды исканія личной славы и угодничества предъ толпой и предъ сосѣдними державами, какъ нашъ усоншій Монархъ. Не искалъ онъ въ дѣяніяхъ своихъ ни блеска, ни похвалы, но только общей пользы, самой сущей правды, а наипаче милости къ бѣднымъ, труждающимся, обремененнымъ, къ малымъ по возрасту и наконецъ къ служителямъ вѣры, которую усоншій справедливо считалъ высшею истинною и главнымъ оплотомъ государственнаго процвѣтанія. Осторожно и сдержанно началъ онъ свои предпріятія, а затѣмъ освоившись съ дѣлами правленія, сталъ поступать все тверже и смѣлѣе; его нравственный образъ выяснялся все отчетливѣе предъ лицомъ восхитеннаго народа и пѣжная, пламенная любовь милліоновъ окружала его тронъ. Онъ разцвѣлъ въ пышный прекрасный цвѣтъ, на который любовался весь міръ; даже недоброжелатели отечества и трона противъ воли полюбили его и ради него начали любить Россію. Судя по человѣ-

чески теперь-то бы намъ и жить, да радоваться на Царя нашего, да учиться у него исполненію долга своего и заповѣдей Божіихъ,—подражая его жизни и дѣламъ. О еслибы дѣйствительно ему достойно подражало русское общество, столь щедрое на благородныя слова и обыкновенно беспильное для благородныхъ дѣяній! Но мы не шли по стопамъ его, мы оказались недостойными его сынами. Духовное разложеніе и развратъ укоренились въ обществѣ и въ народѣ все глубже, за свѣтильникомъ мы не слѣдовали и вотъ свѣтильникъ отъятъ отъ насъ, водвигнуть со своего мѣста.

Строго наказалъ насъ Господь, но не для отмщенія, а для вразумленія. Онъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы отвратили осуетившіеся взоры наши отъ своекорыстныхъ цѣлей и житейскаго разсѣянія, а взглянули въ себя самихъ, чтобы увидали, какъ далеко ушли мы отъ христіанскихъ завѣтовъ святыхъ строителей нашего отечества и создателей народнаго духа, — чтобы ужаснулись своего ожесточеннаго нечувствія и въ слезахъ покаянія, искренняго и всеобщаго, умоляли Бога о народномъ и общественномъ возрожденіи. Сего требуетъ Господь, насъ посѣтившій Своею праведною карой, Онъ требуетъ также и благодарности къ отшедшему благодѣтелю Россіи, и незримо простирающему къ намъ свои царственныя руки и просящаго теперь нашей молитвенной помощи для неукорнаго восхожденія духа его въ райскія обители. Хотя праведенъ былъ духъ сей, но и онъ нуждается въ теплыхъ молитвахъ Церкви. Пусть же онъ возносится, какъ оніамъ къ Богу и ограждаютъ душу возлюбленнаго Государя отъ всякой напасти. Аминь.
